

DOI: 10.24412/2587-7844-2024-3-82-93

УДК 82

КРАСНОЯРСКИЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ

В.С. Срмикян (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье определены этапы становления красноярского текста русской литературы, выявлены ключевые писательские имена и произведения, знаково характеризующие каждый из периодов. В ходе анализа локального текста города Красноярска исследуются литературные стратегии и поэтика презентации Енисейской Сибири, а также столицы региона в отечественной словесности XIX–XX вв.

Цель статьи – выявить ключевые этапы становления и развития красноярского локального текста.

Методологической основой статьи стали подходы В.Н. Топорова и В.И. Тюпы, определивших два ключевых направления изучения локальных текстов; исследования В.В. Абашева и Ю.В. Клочковой, посвященные типологически близким красноярскому локальным текстам Перми и Екатеринбурга, труды по литературе Сибири М.К. Азадовского, Б.А. Чмыхало, К.В. Анисимова и др.

Обзор научной литературы по проблеме. Осмыслению образа Красноярска посвящены специальные работы И.Ю. Кудиновой и В.Н. Калуцкова, в которых город исследуется с позиций культурологии и географии.

Результаты исследования. Автор приходит к выводу о том, что красноярский текст русской литературы определяется тремя основными этапами становления. Первый этап связан с деятельностью первого енисейского губернатора А.П. Степанова и выходом в свет «Енисейского альманаха на 1828 год». Второй этап определяется посещениями Красноярска А.П. Чеховым и наследником престола Николаем Александровичем в 1890 и 1891 гг. и приуроченными к этим визитам произведениями. Третий этап приходится на советское и постсоветское время. Он отмечен возникновением местных литературных сил, и прежде всего масштабной фигуры В.П. Астафьева.

Ключевые слова: Красноярск, Енисей, красноярский текст русской литературы, локальный текст, сибирский текст, А.П. Степанов, А.П. Чехов, В.П. Астафьев.

Постановка проблемы. Говоря о Сибири, мы можем отметить, что процесс вхождения ее в состав России начался еще в конце XVI в. Присоединение региона было связано с закреплением за государством новых территорий и народов восточнее Урала, а также утверждением («воображением») Сибири как русской земли. Проблемой, однако, являлся хорошо известный факт: «Административное деление зачастую не совпадало с географическими границами Сибирского региона, а образы Сибири приобретали расширенное символическое восприятие» [Сибирь в составе Российской империи, 2007, с. 14].

В последние десятилетия в отечественной и зарубежной филологии мы наблюдаем активный интерес к проблемам локального текста и литературе регионов. Работы в данной области разнообразны с точки зрения используемых научных подходов и методологий: семиотики, теории локального текста, имагологии, «воображаемой географии», собственно литературоведческой аналитики, позволяющей исследовать образы, сюжеты и мотивы в конкретных локальных текстах. Показано, в частности, что именно литература регионов и о регионах формирует их идентичность, представления о самобытности, заявляет о наличии знаковых писательских фигур и произведений и тем самым становится различимой и узнаваемой на «литературной карте» страны.

Цель статьи – выявление ключевых этапов становления и развития красноярского текста русской литературы.

Методологическая основа. В настоящей статье используются два термина в качестве синонимичных: один – «красноярский текст русской литературы» взят по аналогии с формулой, предложенной В.Н. Топоровым – «петербургский текст русской литературы» [Топоров, 2003], другой, также традиционный, – «локальный текст города Красноярска» [Абашев, 2000; Богумил, 2023; Ларионова, 2021]. В.Н. Топоров определил петербургский текст как «своего рода гетерогенный текст, которому приписывается некий общий смысл и на основании которого может быть реконструирована определенная система знаков, реализуемых в тексте», «сверхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели» [Топоров, 2003, с. 22–23]. Вслед за В.В. Абашевым, под локальным текстом мы понимаем особый вид текста культуры, который представляет собой единство множества отдельных авторских и анонимных текстов (художественных, документальных, публицистических), речевых жанров, объединенных предметом описания, – определенным локусом: городом или местностью [Абашев, 2000, с. 11–12]. Основные подходы к изучению литературы Сибири были намечены в трудах М.К. Азадовского, Б.А. Чмыхало и К.В. Анисимова, исследовавших историю возникновения и развития словесности региона, ее взаимодействие с «ядром» русской литературы и особенности поэтики [Азадовский, 1947; Чмыхало, 1992; Анисимов, 2005].

Интересна этимология слова «Красноярск». Нередко наименование населенного пункта связано с тем ландшафтом, в который он встроен. Первые названия поселений соотносятся с названиями близлежащих рек и водоемов. Так, Енисейск созвучен с Енисеем, Томск – с Томью и т.д. До середины XVII в. город, по свидетельству Н.В. Латкина [Латкин, 1890] и Г.Ф. Миллера [Миллер, 1937], имел названия «Новый Качинский Красный острог», «Новый Качинский острог» и «Новокачинский острог». Красноярска построен на полуострове и омывается Енисеем и Качей, которая в него впадает. В работе Н.В. Латкина «Красноярский округ Енисейской губернии» [Латкин, 1890] даны географические, этнографические, экономические характеристики города. Исследователь отмечает, что полуостров этот представляет собой равнину, находящуюся на возвышенности и состоящую из «красных мергелей, покрытых слоем речников

и речных песков» [Там же, с. 51]. Г.Ф. Быконя в своих исследованиях, посвященных истории Красноярского края, большое внимание уделяет основателю города А.А. Дубенскому и этимологии названия города. По мнению ученого, Красноярск следовало назвать Верхнеенисейским или Качинским острогом, а не Красным или Красным Яром – «по прекрасному местоположению, а также по цвету высокого обрывистого мыса» [Быконя, 2013, с. 32]. Название же Красноярск было дано при получении статуса города. Сегодня в наименовании региональной столицы совмещается два ассоциативных ряда – «красный» как характерный для этих мест цвет почвы и «красный» – красивый.

Особенностью красноярского текста является расширение его символического пространства до границ всей Енисейской Сибири. Подобный феномен на примере города Екатеринбурга ранее был рассмотрен М.А. Литовской и обозначен следующим образом: «Екатеринбург равен всему Уралу» [Литовская, Белимов, 2021]. Красноярск, ставший в начале XIX в. столицей Енисейской губернии, также в первую очередь ассоциировался с большой территорией бассейна реки Енисей и границами всей губернии, постепенно приобретая свой индивидуальный облик – как это мы видим, например, в письмах и путевых заметках А.П. Чехова.

Красноярский текст русской литературы до сих пор не попадал в фокус исследовательского внимания. Не установлены масштаб и своеобразие Красноярска как важного литературного центра Сибири и одновременно художественного образа в координатах всей русской литературы. Изучение локального текста города Красноярска позволит показать его роль в отечественной словесности, создаст основу для последующих историко-литературных исследований, укрепляющих региональное самосознание и позволяющих увидеть Красноярск и Енисейскую Сибирь как органичную часть русской культуры и литературы.

Обзор научной литературы. Интерес к образам сибирских городов мы наблюдаем чаще всего в междисциплинарных исследованиях историков, социологов, культурологов. Можно отметить две работы о Красноярске, в которых рассмотрены отдельные аспекты сформулированной проблемы. Так, И.Ю. Кудинова в своей кандидатской диссертации «Культурологический портрет сибирского города (на примере Красноярска)» [Кудинова¹, 2015] обратилась к образу Красноярска в творчестве красноярских писателей В.П. Астафьева, Э.И. Русакова, Р.Х. Солнцева. Исследовательница пришла к выводу, что в творчестве Астафьева городская тематика представлена фрагментарно, а безусловной ценностью Красноярска выступает его «природное обрамление». У других писателей акцентируются театральность, проблема маленького человека и сюжет побега из города. Основным материалом исследования в диссертации И.Ю. Кудиновой стали электронные СМИ, в частности, ученым было проанализировано около 2000 новостных телесюжетов и 50 популярных сайтов по запросу «Красноярск». Другими источниками для культурологического осмысления проблемы явились «Памятная книжка

¹ Кудинова И.Ю. Культурологический портрет сибирского города (на примере Красноярска): дис. ... канд. культурол. Красноярск, 2015. 192 с.

по Енисейской губернии», «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией» и исторические очерки и монографии о Енисейской губернии. И.Ю. Кудинова ставит перед собой цель комплексного культурологического портретирования сибирского города на примере Красноярска. По мнению исследователя, культурологический портрет Красноярска состоит в том числе и из его репрезентации в литературе и СМИ, где проявляются новые постиндустриальные ценности, а именно «уход-без-возврата». У В.П. Астафьева – это уход из городской жизни в сельскую, у Э.И. Русакова – в узкосемейную [Кудинова, 2015, с. 11]. Анализ городской символики, топонимов, медиатекстов, позволил ученому сделать вывод о стремлении местных властей к «столичности», при этом главным ценностным ориентиром остается сегодня красота природного окружения [Там же, с. 144].

Анализ образа Красноярска представлен в статье российского географа В.Н. Калущкова «Южанин в Сибири: литературно-географическое исследование путешествия А.П. Чехова (на материале очерков А.П. Чехова “Из Сибири” и его путевых писем)» [Калущков, 2021]. Ученый применил культурно-географический подход в отношении одного из самых известных литературных вояжей по Российской империи – поездки Чехова на Сахалин. Для анализа путешествия В.Н. Калущков использовал комплексную географическую методику, включающую в себя три методических блока: «географический контекст путешествия, поэтапное описание маршрута с выявлением локальных и региональных географических образов, выявление и исследование основных авторских региональных тем» [Там же, с. 74]. Основой данной методики является пространственно-временная периодизация всего пройденного пути, опирающаяся на «объективные географические показатели и субъективные авторские оценки и восприятия» [Там же]. В результате применения своего подхода автор выделил шесть этапов литературного путешествия русского классика. Для образа Красноярска, по мнению ученого, важен отмеченный Чеховым кардинальный климатический сдвиг: от холодной весны к лету – пришедшийся именно на время знакомства писателя с реалиями Красноярска. «С холодом ушла скука, а пейзаж занял свое место в палитре художника, в которой после Красноярска в образах городов и рек стали преобладать теплые тона» [Там же, с. 85].

На материале русскоязычных и англоязычных масс-медиа лингвисты А.В. Колмогорова и М.И. Мельникова в своей работе «Метафорические средства конструирования образа Красноярска в дискурсе социальных медиа» [Колмогорова, Мельникова, 2020] выделили метафорические средства конструирования образа Красноярска. Исследователи определили несколько концептуальных метафор, которые формируют представление о городе: Красноярск – конкурсант, спортивный город; Красноярск – гостеприимный город; молодой и перспективный город; Красноярск – «сердце Сибири». По мнению авторов статьи, с помощью метафор город приобретает антропоморфные признаки, формируется его позитивный образ, поскольку он представлен как один из важнейших и развитых регионов России.

Обобщающее, при этом конкретно-авторское осмысление сибирских городов реконструировано в статье И.А. Айзиковой «Образ сибирского города в очерках Н.А. Кострова» [Айзикова, 2020]. В качестве материала здесь привлечены очерки сибирского историка и этнографа Н.А. Кострова 1860–1870-х гг. Показательно, что образ Красноярска в работе не описан, а лишь упомянут в контексте административного подчинения Томску в середине XVII в. [Там же, с. 183]. Иначе говоря, в научной литературе образ Красноярска представлен фрагментарно в трудах культурологов, географов и лингвистов. В литературоведческих исследованиях красноярский текст до сих пор находился в «зоне умолчания».

Результаты исследования. Точкой отсчета в появлении локального текста Красноярска становится литературный *альманах*, инициированный первым губернатором Енисейской губернии А.П. Степановым. Следующим этапом становятся *травелоги*, в которых Красноярск предстает в качестве одного из пунктов остановки путешественников, что позволяет им сравнивать региональную столицу с другими сибирскими городами, тем самым определяя ее особенности. Наиболее влиятельным посетителем Красноярска был А.П. Чехов, создавший яркий и многогранный образ города и окружающего его ландшафта, прежде всего Енисея. Целый ряд более поздних образцов красноярского текста так или иначе связан с реальными или литературными поездками по региону – это произведения, отчеты и статьи, приуроченные к визиту в Красноярск наследника престола Николая Александровича, «“Юнона” и “Авось”» А.А. Вознесенского и т.д. Наконец, следующей значимой вехой развития красноярского текста стали биография и художественные произведения писателя-деревенщика В.П. Астафьева, уроженца села Овсянка, расположенного на противоположном от Красноярска берегу Енисея. Если ранее в качестве поэта и организатора литературной жизни выступал губернатор, затем крупный писатель только проезжал через Красноярск, то в XX в. появились собственно красноярские авторы, главным из которых, безусловно, является создатель «Последнего поклона». Названные литературные имена составляют главную «ось» красноярского текста отечественной словесности, вокруг которой выстраивается сложная система произведений других авторов. Показательно, что именно фигуры Степанова, Чехова и Астафьева закреплены в Красноярске не только литературно, но и материально – в городских памятниках, т.е. являются частью городского мифа.

Труды В.Н. Топорова «Петербургский текст русской литературы» [Топоров, 2003] и В.И. Тюпы «Сибирский интертекст русской литературы» [Тюпа, 2002; 2009] определили два ключевых подхода к изучению локальных текстов. Первый связан с изучением локальных текстов культурных центров. К такому типу пространства относятся петербургский, лондонский, флорентийский, венецианский, московский тексты художественной словесности. Другой подход направлен на описание преимущественно природных локальных текстов. К ним принадлежат сибирский, кавказский, крымский, пермский, уральский тексты. Красноярский текст находится на пересечении культурного и природного пространств: с одной

стороны, это городской текст, а значит, он репрезентирует культуру и присущие ей мотивы, с другой – является неотъемлемым слагаемым сибирского текста, доминантой которого является природа.

Локальный текст города Красноярска представляет собой становящийся культурный локальный текст, т.е. развивается от природного к культурному. В начале XIX в. картографирование, конструирование географического, административного, экономического и ментального пространства Российской империи вызвали интерес к тем частям страны, которые ранее интересовали государство в меньшей степени: Крым, Кавказ, Сибирь, Урал. В связи с этим большое внимание начало уделяться и внутренней организации этих территорий, а именно городам – местным «столицам». Локальный текст города Красноярска представляет собой сложную структурно-семантическую конструкцию. Он включает в себя и элементы русской культуры, так как является городом, но одновременно с этим и частью природного локуса, так как на протяжении долгого времени Красноярск был неотъемлемой и в общем-то не выделенной частью сибирского текста.

Остановимся подробнее на этапах становления красноярского текста русской литературы. Отталкиваясь от упомянутых выше трех основополагающих этапов развития красноярского текста русской литературы, конкретизируем присущие каждому из них тенденции. Итак, первый этап определяется именем А.П. Степанова, второй – А.П. Чехова, третий – В.П. Астафьева. На первом этапе основными поэтическими стратегиями авторов «Енисейского альманаха на 1828 год» стали *природоописательная и этнографическая конкретизация, установка на потепление, «задревление» региона и легитимацию историей*. В это время на культурной карте новой губернии город Красноярск представал как не вполне явственно дифференцированная единица. Прежде всего, он как столица наделялся чисто административным значением. Непосредственным контекстом для образа Красноярска стали расположенные неподалеку от него уникальные культурные памятники – наскальные рисунки, курганы и окружающая их дикая природа: «Я видел древних письмена / На диких скалах Енисея», «Какая из Сибирских стран / Обильна столько красотами? – / В тени акаций молодых, / В прохладе тополей ветвистых, / Он льет струи в лугах душистых, / Среди ирисов голубых» [Енисейский альманах, 2008, с. 83–84].

Второй этап развития красноярского текста русской литературы был связан с приездом в столицу Енисейской губернии А.П. Чехова и цесаревича Николая Александровича. В этот период происходит закрепление Енисейской губернии и Красноярска на «литературной карте» России. Во второй половине XIX – начале XX в. источниками формирования образа Енисейской Сибири и Красноярска в отечественной культуре стали травелоги, путевые заметки, дневники и мемуары путешественников, а также тексты, приуроченные к приезду знаковых гостей. Благоприятные отклики А.П. Чехова о городе, восприятие его как *своего* стали точкой отсчета в становлении образа Красноярска в русской литературе и дали новый импульс для развития самосознания региона и местных литературных сил,

стремящихся разрушить представление о Сибири как «царстве хлада и снегов» (К.Ф. Рылеев). Осваивая новый регион, писатель последовательно сопоставлял его со своими родными краями, используя художественные приемы параллелизма и противопоставления: «На этом берегу Красноярск, самый лучший и красивый из всех сибирских городов, а на том – горы, напомнившие мне о Кавказе, такие же дымчатые, мечтательные» [Чехов, 1987, с. 35], «Не в обиду будь сказано ревнивым почитателям Волги, в своей жизни я не видел реки великолепнее Енисея. Пускай Волга нарядная, скромная, грустная красавица, зато Енисей могучий, неистовый богатырь, который не знает, куда девать свои силы и молодость. <...> на Енисее же жизнь началась стоном, а кончится удалью какая нам и во сне не снилась. Так, по крайней мере, думал я, стоя на берегу широкого Енисея и с жадностью глядя на его воду, которая с страшной быстротой и силой мчится в суровый Ледовитый океан. В берегах Енисею тесно <...>, кажется странным, что этот силач (Енисей. – В.С.) не смыл еще берегов и не пробуравил дна» [Там же].

В этот период большое значение имело открытие Транссибирской магистрали, которая не только физически, но и символически воссоединила две части России: европейскую и восточную. Главными направлениями художественного описания Красноярска и Енисейской Сибири на данном этапе становятся поэтические стратегии *потепления* и *оживления* региона, а также художественный образ *брачного союза* Волги и Енисея как символ единения страны. Публикации этого периода демонстрируют общее стремление к единству национального пространства, гомогенности территории России и преодолению взгляда на Сибирь как на отдаленную колонию. В этот период начинает формироваться локальный текст города Красноярска, который сравнивается с другими региональными столицами, имеет свои культурные и природные характеристики.

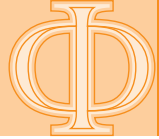
Третий этап развития Красноярского текста связан прежде всего с именем и произведениями писателя-деревенщика В.П. Астафьева, уроженца Красноярского края. В этот период появляются и другие заметные деятели культуры и искусства, повлиявшие на развитие культурной среды города. В цикле «Последний поклон» доминантой астафьевского красноярского текста становится *дихотомия города* (Красноярска) и *деревни* (Овсянки). Город Красноярск рассматривается Астафьевым в связи с жизнью села Овсянки, находящегося на противоположном берегу Енисея. Точкой отсчета в художественном пространстве становится красноярский рынок: «Мужики все на Мане из ружей палят да рыбачат, еще кедровые орехи добывают, продают в городе добычу. Цветочки в подарок женам привозят с базара, из стружек цветочки, синие, красные, белые – шуршат. Базарные цветочки бабы почтительно ставят на угловики и на иконы цепляют. А чтобы жарков, стародубов или саранок нарвать – этого мужики никогда не делают и детей своих сызмальства приучают дразнить и презирать людей вроде Васи-поляка, сапожника Жеребцова, печника Махунцова и всяких других самоходов, падких на развлечения, но непригодных для охотничьего промысла» [Астафьев, 1997, с. 96]. Орехи – дары природы, а искусственные

цветы – продукт цивилизации. Писатель показывает, как осуществляется подмена живых цветов – жарков, саранок и т.д. – на «поддельные» городские изделия. В приведенном отрывке мы можем заметить, что именно рынок, а точнее, «торговая точка» становится центром города для приезжих, отправной точкой к остальным городским локациям. Вся деревня ездит в город что-то продавать (в основном это плоды, рожденные сибирской природой), а обратно возвращается с городской продукцией разного характера, которую не найти в деревне. Аналогичные примеры взаимодействия города и деревни мы видим в хрестоматийных рассказах писателя «Конь с розовой гривой» (*земляника – пряничный конь*), «Фотография, на которой меня нет» (*дрова – фотография*) и др.

Этот период развития красноярского текста связан с понятием *genius loci*, или «герой места». Город в большой русской литературе ассоциируется не только с природными или городскими локусами, но и с конкретными личностями. Красноярскими героями места в русской литературе становятся А.П. Степанов, А.П. Чехов, В.П. Астафьев, Н.П. Резанов, А.П. Быков. Если значимость для города первых трех деятелей определена их литературным вкладом в развитие красноярского текста, то роль Н.П. Резанова и А.П. Быкова имеет совершенно другой характер. История командора Резанова показала, что Сибирь – место, которое потенциально может соединить разные миры. В поэме А.А. Вознесенского «Авось» мы можем наблюдать чеховскую традицию изображения геополитического «брачного союза» (в произведении XX в. – несостоявшегося).

Другой «герой» Красноярска – А.П. Быков, известный российский предприниматель, «авторитетный бизнесмен», которому Э.В. Лимонов посвятил свой роман-расследование «Охота на Быкова» (2001). В этом случае героем места становится не русский дипломат, путешественник, а местный «Аль Капоне». Характерно, что мотив разбоя в современном произведении спонтанно сближается с историческим романом красноярского писателя А.И. Чмыхало «Опальная земля», где Красноярск показан как привлекательное место для разбойников и воров. Таким образом, намечается перспектива изучения трансформации литературных традиций и приемов в презентации региона, в том числе типологически обусловленных.

Изучение локального текста города Красноярска, включающее в себя опыт периодизации, выявления ключевых фигур и произведений, позволило определить доминанты поэтики и проблематики интересующего нас локального текста. Во-первых, красноярский текст русской литературы – становящийся локальный текст, развивающийся между ценностными полюсами природы и культуры. Произведения начала XIX в. обращены главным образом к природе Енисейской губернии и ландшафта, внутри которого расположена ее столица. Во второй половине столетия формируется образ города Красноярска – культурного центра. В произведениях о Красноярске XX в. намечаются противопоставление и борьба природного и культурного начал.

Во-вторых, динамика красноярского текста русской литературы представлена тремя основными этапами. Первый этап определяется деятельностью А.П. Степанова и выходом в свет «Енисейского альманаха на 1828 год». Показательно, что появление Красноярска и Енисейской Сибири на «литературной карте» России обязано государственной инициативе. В 1822 г. была образована Енисейская губерния со столицей в Красноярске, а в 1828 г. произошло первое знаковое литературное событие – выход «Енисейского альманаха», создателем которого стал первый губернатор А.П. Степанов, а авторами, в отсутствие писательской среды, – местные чиновники. Второй этап связан с посещением Красноярска А.П. Чеховым в 1890 г. и наследником престола Николаем Александровичем в 1891 г. и приуроченными к этим визитам произведениями. В это время свершилось словесно-образное «картографирование региона», обусловленное приездом в город знаковых для политической и культурной жизни страны лиц. В путевых заметках, письмах, отчетах и художественных произведениях город и его окрестности обрели «метагеографическую» конкретизацию, индивидуальный облик. Наконец, третий этап приходится на советское и постсоветское время. Он отмечен появлением местных литературных сил, и прежде всего масштабной фигуры В.П. Астафьева. В XX в. образ Красноярска попадает в фокус не только местных авторов, но и писателей столичного уровня – В.П. Астафьева, А.А. Вознесенского, Э.В. Лимонова и др., а сам город становится региональным литературным центром.

Библиографический список

1. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX в. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. 404 с.
2. Азадовский М.К. Очерки литературы и культуры Сибири. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. Вып. 1. 203 с.
3. Айзикова И.А. Образ сибирского города в очерках Н.А. Кострова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 174–188.
4. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 304 с.
5. Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 4: Последний поклон: повесть в рассказах. Кн. 1, 2. 464 с.
6. Богумил Т.А. Семиотика городов Сибири: типологический аспект // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 350–367.
7. Быконя Г.Ф. Андрей Дубенский – основатель Красноярска. Красноярск: Растр, 2013. 64 с.
8. Енисейский альманах на 1828 год / сост. И. Петров; предисл. Г. Толстой; Красноярский краевой краеведческий музей. 2-е изд., доп. Красноярск: Поликор, 2008. 112 с.

9. Калуцков В.Н. Южанин в Сибири: литературно-географическое исследование путешествия А.П. Чехова (на материале очерков А.П. Чехова «Из Сибири» и его путевых писем // Гуманитарная география. 2021. № 3. С. 74–91.
10. Колмогорова А.В., Мельникова М.И. Метафорические средства конструирования образа Красноярска в дискурсе социальных медиа // Евразийский Союз ученых. 2020. № 4. С. 48–52.
11. Ларионова М.Ч. Уральский текст русской литературы // Журнал фронтальных исследований. 2021. № 2. 130–136.
12. Латкин Н.В. Красноярский округ Енисейской губернии. Очерк. Спб.: Типография и литография В.А. Тиханова, 1890. 75 с.
13. Литовская М.А., Белимов В.Н. Екатеринбург равен всему Уралу. И в этом проблема. Интервью // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 4. С. 26–33.
14. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. 608 с.
15. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
16. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство – СПб, 2003. 616 с.
17. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
18. Тюпа В.И. Сибирский интертекст русской литературы // Тюпа В.И. Анализ художественного текста. М.: Академия, 2009. С. 254–264.
19. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М.: Наука, 1987. Т. 14–15: Сочинения: Из Сибири; Остров Сахалин. 1890–1895. 924 с.
20. Чмыхало Б.А. Молодая Сибирь: Регионализм в истории русской литературы. Красноярск: КГПИ, 1992. 200 с.

Сведения об авторе

Срмикян Виолетта Сименовна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного института филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: vsrmikyana@sfu-kras.ru

DOI:10.24412/2587-7844-2024-3-82-93

KRASNOYARSK TEXT OF RUSSIAN LITERATURE: THE STAGES OF FORMATION

V.S. Srmikyan (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article defines the stages of formation of the Krasnoyarsk text of Russian literature, identifies key writers' names and works that symbolically characterize each of the periods. In the course of the analysis of the local text of the city of Krasnoyarsk, literary strategies and poetics of the presentation of Yenisei Siberia, as well as the capital of the region in Russian literature of the 19th – 20th centuries are studied.

The purpose of the article is to identify the key stages of the formation and development of the Krasnoyarsk local text.

The methodological basis of the article includes the approaches of V.N. Toporov and V.I. Tyupa, who defined two key directions for the study of local texts; studies by V.V. Abashev and Yu.V. Klochkova, devoted to typologically close to Krasnoyarsk local texts of Perm and Yekaterinburg, works on the literature of Siberia by M.K. Azadovsky, B.A. Chmykhalo, K.V. Anisimov and others.

Review of scientific literature on the problem. Special works by I.Yu. Kudinova and V.N. Kalutskov are devoted to understanding the image of Krasnoyarsk, where the city is studied from the standpoint of cultural studies and geography.

Research results. The author comes to the conclusion that the Krasnoyarsk text of Russian literature is determined by three main stages of formation. The first stage is associated with the activities of the first Yenisei governor A.P. Stepanov and the publication of the *Yenisei Almanac for 1828*. The second stage is determined by the visits to Krasnoyarsk by A.P. Chekhov and the heir to the throne Nikolai Alexandrovich in 1890 and 1891 and the works dedicated to these visits. The third stage falls on the Soviet and post-Soviet times. It is marked by the emergence of local literary forces and, above all, the large-scale figure of V.P. Astafyev.

Keywords: *Krasnoyarsk, Yenisei, Krasnoyarsk text of Russian literature, local text, Siberian text, A.P. Stepanov, A.P. Chekhov, V.P. Astafyev.*

References

1. Abashev V.V. Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the twentieth century. Perm: Perm University Publishing House, 2000. 404 p.
2. Azadovsky M.K. Essays on the literature and culture of Siberia. Irkutsk: Irkutsk region publishing house, 1947. Is. 1. 203 p.
3. Aizikova I.A. The image of a Siberian city in the essays of N.A. Kostrov // Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2020. No. 67. P. 174–188.
4. Anisimov K.V. Problems of the poetics of Siberian literature of the XIX – early XX centuries: Features of the formation and development of the regional literary tradition. Tomsk: Tomsk Publishing House. University, 2005. 304 p.
5. Astafiev V.P. Collected Works: in 15 vol. Vol. 4. The Last Bow: a story in stories. Krasnoyarsk: Offset, 1997. Book 1, 2. 464 p.

6. Bogumil T.A. Semiotics of Siberian Cities: Typological Aspect // *Criticism and Semiotics*. 2023. No. 1. P. 350–367.
7. Bykonya G.F. Andrei Dubensky - the founder of Krasnoyarsk. Krasnoyarsk: Raster, 2013. 64 p.
8. Yenisei Almanac for 1828 / compiled by I. Petrov; foreword by G. Tolstova; State Cultural Institution Krasnoyarsk Regional Museum of Local History. 2nd ed., suppl. Krasnoyarsk: Polikor, 2008. 112 p.
9. Kalutskov V.N. Southerner in Siberia: literary and geographical study of the travels of A.P. Chekhov (based on the essays of A.P. Chekhov “From Siberia” and his travel letters // *Humanitarian Geography*. 2021. No. 3. P. 74–91.
10. Kolmogorova A.V., Malnikova M.I. Metaphorical means of constructing the image of Krasnoyarsk in the discourse of social media // *Eurasian Union of Scientists*. 2020. No. 4. P. 48–52.
11. Larionova M.Ch. The Ural Text of Russian Literature // *Journal of Frontier Studies*. 2021. No. 2. P. 130–136.
12. Latkin N.V. Krasnoyarsk Okrug of the Yenisei Province. Essay. St. Peterburg: Typography and Lithography of V.A. Tikhanov, 1890. 75 p.
13. Litovskaya M.A., Belimov V.N. Yekaterinburg is Equal to the Entire Urals. And That’s the Problem. Interview // *Municipality: Economy and Management*. 2021. No. 4. P. 26–33.
14. Miller G.F. History of Siberia. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1937. 608 p.
15. Siberia as Part of the Russian Empire. Moscow: New Literary Review, 2007. 368 p.
16. Toporov V.N. Petersburg text of Russian literature: Selected works. St. Peterburg: Art – SPb. 2003. 616 p.
17. Tyupa V.I. Mythologem of Siberia: on the issue of the “Siberian text” of Russian literature // *Siberian Philological Journal*. 2002. No. 1. P. 27–35.
18. Tyupa V.I. Siberian intertext of Russian literature // Tyupa V.I. Analysis of the fictional text. Moscow: Academy, 2009. P. 254–264.
19. Chekhov A.P. Complete works and letters: in 30 volumes. Works: in 18 vol. Vol. 14–15: Works: From Siberia; Sakhalin Island. 1890–1895. Moscow: Nauka, 1987. 924 p.
20. Chmykhalo B.A. Young Siberia: Regionalism in the history of Russian literature. Krasnoyarsk: KSPI, 1992. 200 p.

About the author

Srmikyan, Violetta S. – Senior Lecturer, Department of Russian as a Foreign Language, Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: vsrmikyan@sfu-kras.ru